

(ПП: обычно гостиница, где убивают и грабят гостей, или магазин, практикующий мошенничество)

Седьмая мисс оцепенела. Ни за что бы не подумала, что одна-единственная сладость — всего-то торт! — способна привлечь внимание самого главы рода.

— Э... это... это Цуй Лянь покупала, — пробормотала она, теряя всю свою прежнюю самоуверенность.

Цуй Лянь задрожала, как осиновый лист, и побледнела. Кто бы мог подумать, что простая сладость может вызвать такой переполох. Она не посмела солгать:

— Я... я купила у одного уличного торговца. Он сказал, что теперь торт можно купить только по записи у его невестки, а очередь уже на несколько дней вперёд расписана.

— Где живёт его невестка? — с не свойственной ему поспешностью прервал её Ван Сюн, глава дома.

Теперь Цуй Лянь и вправду разрыдалась:

— Я... я не знаю...

Поняв, что из нее больше ничего не вытянуть, Ван Сюн круто развернулся и вышел, не удостоив никого прощальным взглядом. Цуй Лянь осела прямо на пол, как будто в ней все кости размякли, сидела жалкой кучкой, словно тряпичная кукла.

Седьмая мисс злобно прошипела:

— Вот неумёха!

— Госпожа... но ведь это сам глава рода! Глава! В нашем доме его боятся все до единого. Кто бы мог подумать, что он... так любит сладкое. Обычный торт — а он, как будто пожар случился, в спешке выбежал, будто беда какая в доме приключилась.

Но на самом деле они ошибались. Да, Ван Сюн и впрямь с удовольствием съел ту половинку торта, что оставила ему супруга. Да, ему хотелось ещё — очень хотелось. Но как глава рода он не мог себе позволить открыто расспрашивать о сладостях, тем более бегать за пирожными, будто простолюдин. В обычной ситуации он просто отправил бы кого-нибудь из слуг тайком разузнать, где можно достать ещё. Однако сейчас времени у него не было — дело было срочное, потому и не стал ждать слугу, а сорвался сам.

На севере снегопады бывают лютыми — зимой снег сыплет целыми днями, закутывая землю в толстый белый покров. Часто дорога, ведущая из деревни в город, оказывается полностью занесённой, и тогда ни выехать, ни въехать становится невозможно. В такие времена каждая семья в деревне живёт лишь за счёт запасов, сделанных осенью.

Тан Шоу и Сюн Чжуаншань стояли с односельчанами у ворот, глядя на бесконечно белую, засыпанную снегом дорогу. Снег лежал плотным одеялом, и в груди становилось всё тяжелее.

Цай Сюэ тяжело вздохнул:

— Почему небо не может хоть немного сжалиться над нами? Из года в год зима несёт одну бедность. Работы нет, нанимателей днём с огнём не сыщешь, все по домам сидят. А в этом году, вот ведь удача — у нас в деревне, наконец, появилось дело, приносящее деньги. Несём на продажу — и каждый день по несколько десятков монет домой возвращается, жизнь стала легче... И вот опять снег, и всё пропало. Из деревни не выйти — работать негде.

— Да, вот так и есть, — вторил кто-то. — Хотим зарабатывать своим трудом, не просим лишнего, а и то невозможно. Ну почему всё так трудно...

— Если бы снег перестал, глядишь, через десять дней дорога бы расчистилась, можно было бы снова выходить на торговлю. А если будет продолжать сыпать...

— Дай-то небеса, чтобы перестал. Хоть раз пусть даст нам шанс!

Некоторые старики в деревне даже опустились на колени, моля небеса о пощаде — сцена была слишком тягостной. Тан Шоу не выдержал, посмотрел немного, и, не в силах сдержать гнетущие чувства, повернулся и вернулся в дом. Сюн Чжуаншань молча пошёл следом.

— Тяжело на душе? — мягко спросил он. — Все эти годы деревенские жили вот так. Зимой, когда не было ни работы, ни дохода, снег закрывал дорогу — и пусть закрывает. А теперь, когда появилась надежда, люди не хотят её отпускать, не могут смириться. — он склонился, помог Тан Шоу снять обувь, укутал его в толстое одеяло и тихо добавил: — Снег пошёл, стало холодно.

Тан Шоу, завернувшись в одеяло, всё равно дрожал от холода. Хотя у Сюн Чжуаншаня в доме условия были получше, и в одеяле было много прослоек из ткани, всё равно холод пробирал до костей. А что же тогда делать беднякам? Как им пережить такую зиму? Сколько ещё жизней унесёт этот беспощадный снег?

Он ведь умел строить кан — тёплые печные лежанки, — но попал в этот мир не вовремя. Когда он смог хоть как-то двигаться, север уже окутала стужа. А северная зима совсем не как южная

— тут холод пронизывает всё, даже землю. Земля сковывается льдом так крепко, что её и ломом не сдвинешь. А без возможности копать какой там кан — ни кирпича не положишь, ни очага не сложишь.

Если бы он попал сюда чуть раньше... тогда, может, и успел бы помочь. Смог бы построить лежанки в каждом доме деревни Синьхуа, а может, и в соседних деревнях. Кто знает, скольких людей удалось бы спасти?

— Что с тобой? — тихо спросил Сюн Чжуаншань, обнимая Тан Шоу поверх тёплого одеяла. — Почему вдруг стал такой мрачный? Беспокоишься за дело? Не стоит. Мы ведь уже заработали неплохо, запасли зерна, даже если снег не перестанет идти — перезимуем. А весной, как только сойдёт снег, снова откроем торговлю.

Но Тан Шоу, сгорбившись в его объятиях, не реагировал на заботу, лишь тихо пробормотал, уткнувшись в грудь Сюн Чжуаншаня:

— Я не об этом думаю... Мне всё это не страшно. Я думаю о бедных семьях в деревне. Как им быть в такую зиму? Смогут ли они вообще выжить...

Сюн Чжуаншань ничего не ответил. И этим молчанием сказал больше всяких слов. Ведь он знал — Тан Шоу прав. Каждый год в деревне, как только зима становилась особенно суровой, кто-то из слабых стариков или младенцев погибал от холода.

И Тан Шоу всё понял. Без слов.

Но, быть может, небеса всё же вняли мольбам деревенских — снег, столь беспощадный, вдруг прекратился. Дороги ещё были завалены, люди не решались покидать деревню, но в воздухе витала надежда. Лишь несколько солнечных дней - и снова можно будет нести пироги на продажу. Шанс на спасение, на доход, на жизнь — забрезжил впереди.

Прошло всего несколько дней, и у дома Сюн Чжуаншаня появился неожиданный гость.

— Простите, это дом мясника Сюна? — раздался громкий голос снаружи. Кто-то стучал в ворота так настойчиво, что весь двор наполнился гулким «бум-бум», даже несколько соседей выглянули из домов, встревоженные шумом.

Цай Сюэ открыл дверь и сразу увидел перед домом Сюн повозку, запряжённую быками, из тех, что нечасто увидишь даже в городе. Карета была богато украшена, внутри виднелись занавески из плотного хлопка — явный признак зажиточного хозяина.

— Вы по дороге от деревни приехали? Значит, проезд снова открыт, и пешком можно идти! Замечательно! Завтра снова можно будет выйти на рынок с пирогами! — Цай Сюэ не скрывал радости, но пригляделся к приезжим с недоумением: — А вы... пришли за мясником Сюн-

эрланом? Хотите, чтобы он поехал в город на убой скота?

Он озадаченно поморщился. Звать мясника в дом — дело обычное, но стоило ли ради этого отправлять такую роскошную повозку да ещё по заснеженной дороге? В городе ведь и своих мясников хватает. Пусть Сюн Чжуаншань и известен мастерством, но разве для этого стоит преодолевать сугробы и мёрзлые дороги? Не похоже на простое дело.

У ворот стоял молодой парень, одетый как слуга. Он учтиво сказал:

— Мы прибыли по деревенской дороге, но путь был непростой. У нас срочное дело, нам нужно повидать мясника Сюна. А вам, если собираетесь нести пироги на продажу, лучше немного подождать — дорога скользкая, можно попасть в беду.

— Спасибо за совет, — кивнул Цай Сюэ.

Они только успели обменяться парой слов, как из дома распахнулась дверь, и наружу высунулся рослый мужчина. Он был высоким, не меньше восьми чи, сложен крепко, как гора, и от него веяло чем-то первобытным, зловещим. Тяжёлое, неуловимое, почти осязаемое чувство исходило от него — то ли от запаха крови, то ли от внутренней мощи, несмотря на то, что на лице не было ни следа агрессии. Всё равно человек чувствовал — лучше бы держаться от такого подальше.

Слуга, увидев Сюн Чжуаншаня, в ужасе отпрянул и с грохотом врезался спиной в колесо повозки. Повозка накренилась, занавеска в окне качнулась, и изнутри с раздражением выбрался человек, откидывая ткань в сторону.

— В чём дело, чего ты так переполошился? — недовольно спросил он, спрыгивая на землю.

Слуга дрожащей рукой указал на распахнутую дверь. Тот, кто вышел из кареты, поднял взгляд — и тут же столкнулся с хищным, зловещим, налитым мраком взглядом Сюн Чжуаншаня. Сердце его невольно ёкнуло, он инстинктивно отступил на шаг, но, вспомнив о своём высоком положении, с усилием взял себя в руки и заставил стоять прямо, стараясь сохранить лицо и достоинство.

Мужчина с трудом сглотнул, сделал глубокий поклон — и жестом, и тоном явно стараясь и проявить почтение, и подчеркнуть собственный статус, на всякий случай — вдруг придётся защищаться, вдруг — запугать:

— Я — Ван Сюн, глава дома Ван в уезде Юйлинь. Прибыл с особой просьбой к мяснику Сюну... точнее, ко второму господину Сюну. Скажите, это его дом?

Кроме Тан Шоу, Сюн Чжуаншань не имел особого терпения ни к кому — на лице не дрогнул ни один мускул, голос был сух и прямолинеен:

— Что нужно?

Так значит, это и есть сам мясник Сюн. Ван Сюн ещё до поездки слышал немало — о нём говорили, будто он исходит мрачной энергией, словно Асура из плоти и крови, хищный, молчаливый, страшный. Такие люди, говорили, режут скот без колебаний, и именно этим устрашают душу животного, сдерживают посмертный дух, не позволяя ему мстить за смерть. Сюн Чжуаншаня боялись, но уважали: он хоть и жесток, но справедлив, брал плату — и дело считал завершённым, в чужое не лез, не расспрашивал и не обсуждал. Поэтому знатные дома и пользовались его услугами.

Собравшись с духом, Ван Сюн твёрдо произнёс:

— Я прибыл, чтобы... заказать у вас торт.

— Торт? — переспросил Сюн Чжуаншань, и в его памяти тут же всплыло лицо его маленького фулана — Тан Шоу в последние дни чуть ли не стонал от досады: застряли в деревне, не могут продать залежавшийся товар — те самые "зубные благовония", что обошлись в немалую сумму. Взгляд Сюн Чжуаншаня метнулся к Ван Сюну. Великолепно. На вид — самый настоящий простодушный толстосум, прямо создан для того, чтобы немного... облегчить свой кошелек.

— Заходите, — спокойно сказал Сюн Чжуаншань, чуть отступив в сторону, открывая проход.

Слишком прямолинейно, слишком просто. Ван Сюна это даже смутило — так легко его приглашают в дом мясника, от одного вида которого кровь стынет в жилах. Он стоял на месте, не решаясь войти. Тем временем его слуга, перебежав ближе, прикрыл рот ладонью и прошептал ему в ухо:

— Господин, а вдруг это... чёрная лавка? Вы поглядите — выглядит в точности как та, где «чпок — и всё»... — и изобразил жест, как будто опускает нож на плаху.

Ван Сюн и сам уже начал сомневаться — а стоит ли входить?

Позади раздался приглушённый смешок. То Цай Сюэ, прижимая ладонь к губам, давился от смеха. И кто сказал, что только крестьяне боятся Сюн Чжуаншаня? Вот вам, господин из уезда, и тоже чуть штаны не намочил.

— Кхе-кхе, — вмешался Цай Сюэ, — это и есть второй господин Сюн. Если за тортом пришли — вы по адресу. И ореховое печенье, и пирожные с османтусом — тоже его семья делает. Особенно торт — он один такой, кроме его фулана никто и слышать о нём не слыхивал, не то что готовить. Так что не бойтесь, никакая это не чёрная лавка. Сюн-эрлан хоть и выглядит... грозно, но человек он... ну... неплохой. — последние слова он почти прошептал. Совесть грызла, ведь за всю жизнь он не произносил более лицемерной фразы. Но что поделаешь — сейчас вся деревня зарабатывает на их пирогах. Как говорится, за три монеты и герой спину гнёт — вот и он нашёл себе оправдание.

— А, так вот как... — протянул Ван Сюн. Торт ему был необходим, он не мог уйти с пустыми руками. Хотя и страшновато было, но в голове крутилась мысль: не войдешь в логово тигра — не поймает тигрёнка. А вдруг это его шанс? Может, как раз сейчас выпадет возможность повернуть судьбу в свою сторону. Он сжал зубы, собрался духом, целую минуту строил себе моральную опору, но когда, наконец, поднял ногу, она всё равно дрожала как осиновый лист.

— А-Чэн, идём, — выдавил он и шагнул вперёд.

Вот оно, подумал Ван Сюн с трагическим осознанием, — что значит «герой сжимает запястье»*. Судьба его, похоже, готовит на заклятие.

(ПП: Это выражение описывает сильное внутреннее волнение, досаду или горечь, которую испытывает человек, особенно в моменты, когда он бессилен что-либо изменить, несмотря на свою силу, отвагу или решимость. Чаще всего употребляется в ситуациях глубокого сожаления, несправедливой утраты или осознания упущенной возможности.)

Слуга по имени А-Чэн, едва переступив порог двора, тут же стал прикрывать господина собой, изображая из себя невесть какого телохранителя, будто своей грудью закрывает его от топора. Только вот Сюн Чжуаншань одним движением мог бы метнуть этого «щитодержца» за забор — и даже глазом не моргнуть. А-Чэн вертел головой во все стороны, будто в любой момент ждал, что из тени выскочит ещё один Сюн Чжуаншань и всех тут порубит.

Сюн Чжуаншань по натуре был вспыльчив. И если бы не желание угодить своему фулану, давно бы выставил этого слугу пинком под зад. Но пока он был нужен — пусть живёт. Правда, терпение у него было на пределе, и он рявкнул:

— А ну стой спокойно! Не шныряй глазами, как вор в храме!

А-Чэн так вздрогнул, что чуть не спрятался за спину своего господина. Жалкое зрелище — прямо и смотреть было стыдно.

— А-Чэн, не забывай, как полагается себя вести, — холодно напомнил Ван Сюн. — А если перепугаешь тут местных женщин — как потом будешь извиняться?

— Д-да, конечно... — пробормотал слуга, стараясь сделать вид, что он вовсе не дрожит.

У Сюн Чжуаншаня в доме не было официального зала для приёмов, поэтому он проводил гостей в гостевую комнату. Указав на место, коротко бросил через плечо на прощание:

— Сидите тихо! — и ушёл, как буря, будто выдворил кого-то, а не пригласил.

А-Чэн был на грани слёз:

— Господин, что нам делать?! Он... он ведь, наверное, за ножом пошёл! Всё, нам сегодня не выбраться — точно здесь погибнем!

— Не болтай чепуху! — рявкнул Ван Сюн, хотя и сам в душе дрожал не меньше.

А Сюн Чжуаншань пошёл вовсе не за ножом. Он просто зашёл в дом — будить Тан Шоу. На дворе уже почти конец часа Сы, домашний скот весь покормлен, а его маленький фулан всё ещё спит. Но не потому, что ленится — просто в последние дни он плохо спал. Волновался: и за их с трудом налаженное дело, и за деревенских стариков с детьми, смогут ли они пережить суровую зиму.

Как только Сюн Чжуаншань вошёл в комнату и увидел своего маленького супруга, всё в нём смягчилось. Человек, который сам не знал, что значит «красться», сейчас передвигался по комнате неслышно, почти на цыпочках, подошёл к постели и тихо позвал:

— Фулан, тут пришли из уезда — хотят купить наш торт.

Тан Шоу спал глубоко, но стоило услышать, что кто-то хочет купить торт, как он подскочил на постели и распахнул глаза:

— Где?! Кто? Где человек?! Кто хочет купить мой торт? Маленький — сто восемьдесят монет, за каждый дополнительный цунь — плюс сто, за двухъярусный — отдельная цена!

Его взволнованный, ещё сонный вид, моментально перескочивший на торговый лад, показался Сюн Чжуаншаню до невозможности милым. Такой бережливый, такой рачительный... Всю тень раздражения, вызванную ранним визитом, как рукой сняло — на лице Сюн Чжуаншаня появилась редкая, почти добродушная улыбка.

— Они ждут в гостевой. Некуда торопиться, — сказал он, вытаскивая из-под одеяла заранее согретую одежду и помогая Тан Шоу одеться.

Только закончив, Тан Шоу начал приходить в себя и осознал, что его реакция, возможно, была... чересчур коммерческой. А вдруг он выглядел жадным? Он исподтишка взглянул на Сюн Чжуаншаня — тот, кажется, и бровью не повёл. Отлично! Успокоившись, он наскоро почистил зубы, плеснул на лицо воды и поспешил в гостевую встречать важных покупателей.